

Фонтамара

...Так вот, Фонтамара во многом похожа на любую южную деревню, где-то в глухомани предгорья, в стороне от оживлённых дорог, а потому в чём-то отсталую, хиреющую и запустевающую более других. Но у Фонтамары есть и свои особенности. Как бы ни назывались земледельцы, живущие впроголодь со скудного урожая своих наделов – феллахи, кули, пеоны, мужики, пейзане, деревенщина, – нищие хлебобобы во всех углах света похожи друг на друга, это же отдельный вид человечества, нация, раса и вероисповедание, и всё ж не встречалось ещё двух несчастных, одинаковых во всём.

Тем, кто поднимается в Фонтамару со стороны озера Фучино, деревня предстаёт эдакой лестницей, прилепившейся к склону бесплодной иссушенной горы. Из долины видны оконные и дверные проёмы большинства домов: этих развалюх около сотни, все почти без исключения одноэтажные, нескладные, если не бесформенные, почерневшие от времени, потрёпанные ветром, дождём и пожарами, с крышами, кое-как покрытыми черепицей, а то и просто подвернувшимся под руку хламом.

По большей части в стенах у этих лачуг лишь один единственный проём – он и дверь, и окно, и дымоход. Стены сложены из камней без капли раствора, пола, как такового, зачастую просто нет, и вот в такой хибарке живут, спят, едят, заводят потомство, порой всё это в той же самой комнате, мужчины, женщины, их дети, козы, куры, свиньи и ослы.

Исключение составляет с десяток домишек позажиточнее, да разваливающаяся вилла, ныне необитаемая. Над верхней частью Фонтамары доминирует церковь со своей колокольней да площадь на уступе склона, на которую можно попасть по крутой улочке, проходящей через всё селение, единственной, по которой может проехать повозка. В стороны от улочки расходятся боковые переулочки, зачастую ступенчатые, чуть не отвесные,

короткие и тесные: крыши домов почти касаются друг друга, так что небо едва видно.

Тем, кто смотрит на Фонтамару издалека, от Фучино, она видится гуртом овец мрачного окраса, а колокольня – пастухом. Деревня, в общем, как деревня. Но для тех, кто родился и вырос здесь, это свой мир. Здесь вершится всемирная история: рождение-смерть-любовь-ненависть-борьба-отчаяние.

И к этому нечего было бы добавить, если бы не случились некие странные события, о которых я и собираюсь поведать. Я прожил в этом углу первые двадцать лет жизни, и к этому мне нечего добавить.

Двадцать лет одно и то же небо, обрезанное со всех сторон амфитеатром гор, которые непроходимой стеной окружают этот клочок земли, двадцать лет одна и та же земля, одни и те же дожди и снег, одни и те же сельские праздники и еда, одни и те же страдания, мучения и нищета, унаследованная от отцов, а теми – от дедов, нищета, против которой всегда и везде бессилён честный труд. Самые вопиющие примеры несправедливости тянулись настолько издавна, что воспринимались с той же неизбежностью, что и дождь, или ветер, или снег. Жизнь людей, скота и земли, казалось, намертво скована тисками гор да сменой времён года. Естественный цикл событий, незыблемый, как пожизненное заключение.

Сначала сев, потом сера, затем жатва да сбор винограда. А потом? А потом всё сначала. Сев, прополка, подрезка, сера, жатва, сбор винограда. Та же песня, слово в слово. Неизменно. Годы проходили, сливались друг с другом, молодые становились стариками, старики умирали, и по-прежнему шли сев, прополка, сера, жатва, сбор. А дальше? Опять всё сначала. Каждый год как год предыдущий, каждая пора как в прошлом году. Каждое поколение как предыдущее поколение. Никто в Фонтамаре и подумать не мог, что этот стародавний уклад жизни может когда-либо измениться.

Социальное расслоение в Фонтамаре знало две крайности, без полутонов: простая деревенщина и, чуть повыше, маленькие хозяйчики. По этим же двум

ступенкам распределялись и кустари: чуть повыше те, что не такие нищие, со своим сараем-мастерской да неказистым инструментом, бродячие ремесленники остальные. Из поколения в поколение землеробы, батраки, подручные, бедные мастерские прилагают невероятные усилия, идут на неслыханные лишения и жертвы, чтобы забраться на следующую низенькую ступеньку социальной лестницы... И лишь изредка преуспевают в этом. Некоторым везёт – они посвящаются в сан, женившись на дочери мелкого хозяйчика. Но если учесть, что вокруг Фонтамары немало наделов, на которых посеяв мешок зерна порой собирают не больше мешка, то нетрудно понять, что частенько кто-нибудь, с таким трудом вскарабкавшись на ступеньку мелких хозяйчиков, сваливается с неё опять в батраки-деревенщину.

(Я прекрасно отдаю себе отчёт в том, что прозвание «деревенщина» в современном языке моей страны, как в городе, так и на селе, является обидным и оскорбительным, но я пользуюсь им в книге, будучи уверен, что когда у нас боль перестанет быть постыдной, это слово приобретёт значение уважительное, а может даже и почтительное). У самых везучих селян Фонтамары в хозяйстве есть осёл, порой – мул. Осенью, с трудом расплатившись с долгами за предыдущий год, они ищут, где взять в долг немного картошки, бобов, лука, кукурузной муки, чтобы не помереть с голоду зимой. Большинство влачит такую жизнь, словно гнетущую цепь нищенских долгов и непомерных усилий по их выплате. Когда же урожай превосходит ожидания и приносит неожиданный доход, он тут же становится предметом разборов. Потому что, знаете ли, в Фонтамаре не найдётся двух семей, не связанных родством: в горных деревушках, как правило, все так или иначе родственники; у всех семей, даже наибогачейших, есть взаимные притязания по разделу имущества, за неимением же имущества разделяют нужду. Так что в Фонтамаре нет семьи без тянувшегося издавна спора. Споры, как известно, умолкают в скудные годы, но ярко вспыхивают, лишь только появится несколько монет на адвоката. И это одни и те же споры, бесконечные раздоры, передаваемые из поколения в

поколение бесконечные судебные процессы, бесконечные расходы, в глухой неугасимой злобе, чтобы установить, кому принадлежит кустик колючек. Куст давно сгорел, но спор до посинения продолжается. Выхода нет. Отложить в месяц двадцать-тридцать медяков, а летом и все сто, в то время могло позволить накопить к осени тридцать лир или около того. И эти деньги исчезали в одно мгновение: проценты по векселям, или адвокату, или священнику, или аптекарю. А весной всё начиналось сызнова. Двадцать медяков. Тридцать. Сто. И опять сначала.